

Моей семье

On nous apprend à vivre quand la vie est passée.
Нас учат жить, когда жизнь уже прошла.

Мишель де Монтень

Мне нравятся ограничения. Они придают уют.

Жозеф Диран

ПРОЛОГ

Январь 2015 года

На полу валяется брошенное медицинское оборудование: ржавые хирургические инструменты, разбитые пузырьки и колбы, спущенное колесо старого инвалидного кресла. К стене привалился изодранный матрас, из которого торчит набивка цвета желчи.

На крепко сжимающего свой портфель Даниэля Леметра внезапно накатывает волна отвращения, словно время завладело самой душой здания и оставило на ее месте гниль и заразу.

Он быстро идет по коридору, шаги по плиткам отдаются эхом.

Смотри только на дверь. И не оглядывайся.

Но брошенные предметы притягивают взгляд, ведь каждый рассказывает собственную историю. Так легко вообразить находившихся здесь людей, которые кашляли, пока не осталось легких.

Порой ему кажется, что он даже улавливает запах из прошлого — едкий и кисловатый запах химикатов, наполнявший воздух операционных.

Пройдя половину коридора, Даниэль останавливается.

В комнате напротив шевелится какое-то темное расплывчатое пятно. У Даниэля душа уходит в пят-

ки. Он застывает и всматривается в сумрак. На полу комнаты разбросаны бумаги, в глубине видны кривые трубки дыхательного аппарата, сломанный остов кровати, какие-то обломки.

От напряжения кожа покрывается мурашками, но ничего не происходит. В здании тихо.

Даниэль медленно выдыхает и идет дальше.

Не глупи, твердит он себе. Ты просто устал. Слишком часто засиживался допоздна и рано вставал.

Даниэль распахивает входную дверь. Снаружи сердито завывает ветер, раскачивая дверь на петлях. При первом же шаге Даниэля ослепляет порыв ледяного ветра со снегом, но он все равно рад оказаться на улице.

Санаторий лишает его присутствия духа. Хотя Даниэль прекрасно знает, каким станет здание, и нарисовал каждую дверь, каждое окно и выключатель нового отеля, сейчас он ничего не может с собой поделать и погружается в прошлое этого места.

Фасад не многим лучше, думает он, бросая взгляд вверх. Суровое угловатое здание облеплено снегом. Оно запущено и разрушается — балконы, балюстрады и длинные веранды осыпаются и гниют. Несколько окон до сих пор целы, но большинство заколочено, на фасаде торчат уродливые прямоугольники фанеры.

Какой контраст с домом Даниэля в Веве, с видом на озеро. Тот дом построен в современном стиле, в основном из стекла, чтобы открывался панорамный вид на воду. На крыше терраса, и есть небольшой причал.

Даниэль сам все это спроектировал.

С образом дома приходят и мысли о Джо, жене Даниэля. Сейчас она, должно быть, только что вер-

нулась домой с работы, и в ее голове до сих пор бурлят мысли о рекламных бюджетах и слоганах, но она уже отравила детей делать уроки.

Даниэль представляет ее на кухне за приготовлением ужина — рыжие волосы падают на лицо, пока она что-то ловко нарезает. Она готовит что-то простое — пасту, рыбу или жаркое. Они оба не мастаки в домашних делах.

Эти мысли его бодрят, но лишь на короткое время. Когда Даниэль пересекает парковку, его начинают одолевать первые опасения по поводу обратной дороги.

До санатория и в хорошую погоду не так-то просто добраться, он стоит на отшибе, высоко в горах. Такое место выбрали намеренно, чтобы оградить туберкулезников от городского смога, а остальных горожан — от них.

Но отдаленное местоположение означает кошмарную дорогу — серпантин с крутыми поворотами, проложенный через густой ельник. Этим утром по пути наверх дорога была едва видна, а снежинки впивались в ветровое стекло белыми ледяными стрелами, так что было сложно что-то разглядеть даже в нескольких метрах впереди.

Даниэль уже подходит к машине, когда на что-то наступает — это обрывок транспаранта, наполовину припорошенный снегом. Буквы грубо намалеваны красным.

NON AUX TRAVAUX!
НЕТ СТРОИТЕЛЬСТВУ!

Кипя гневом, Даниэль топчет транспарант ногами. На прошлой неделе протестующие устроили здесь демонстрацию. Больше пятидесяти человек выкрики-

вали оскорбления и махали вызывающими транспарантами ему в лицо. Снимали все на мобильные телефоны и выложили записи в социальных сетях.

Одна из бесконечных битв, в которых пришлось сражаться, чтобы запустить этот проект. Люди утверждают, что им нужен прогресс и поток франков от туристов, но когда доходит до дела, начинают ерепениться.

И Даниэль понимал почему. Люди не любят победителей.

Так когда-то сказал ему отец и был прав. Поначалу местные тепло принимали Даниэля и одобряли мелкие успехи — торговый центр в Сьоне, многоквартирный дом с видом на Рону в Сиерре, — но потом он слишком размахнулся. Стал слишком успешным, слишком влиятельным.

Даниэль понимал, что в их глазах уже получил свой кусок пирога и теперь лишь от жадности хочет большего. Ему всего тридцать три, архитектурное бюро процветает — открылись представительства в Сьоне, Лозанне, Женеве. И еще одно планируется открыть в Цюрихе.

И то же самое относится к Лукасу, застройщику и его лучшему другу. Ему слегка за тридцать, а уже владеет тремя приметными отелями.

Люди ненавидят их обоих за благополучие.

А этот проект стал последним гвоздем в крышке гроба. Уже было все: интернет-тролли, угрожающие электронные письма, бумажные письма в офис, протесты против строительства.

Сначала занялись Даниэлем. В местных блогах разползлись слухи о том, что его бизнес якобы испытывает трудности. Потом перекинулись на Лукаса. С по-

хожими наветами, от которых он легко отмахнулся, но одна сплетня ударила особенно больно.

И Даниэля это беспокоило больше, чем он сам себе признавался.

Слухи о взятках. Коррупции.

Даниэль пытался поговорить об этом с Лукасом, но его друг каждый раз обрывал разговор. И мысли об этом терзают Даниэля, как и многое другое в проекте, но он гонит их прочь. Лучше не обращать на это внимания. Сосредоточиться на результате. Отель укрепит его репутацию. Напор Лукаса и его скрупулезность в деталях побудили Даниэля создать исключительно амбициозный проект, который станет вершиной его творческой карьеры.

Даниэль подходит к машине. На ветровое стекло налип толстый слой снега. Дворники не справятся, придется сначала почистить самому.

Но, сунув руку в карман за ключами, он кое-что замечает.

Браслет, лежащий рядом с передним колесом.

Даниэль нагибается и подбирает его. Это тонкий медный браслет. Даниэль крутит его в пальцах. И видит выгравированные с внутренней стороны цифры. Дата?

Даниэль хмурится. Браслет наверняка принадлежит тому, кто побывал здесь сегодня, ведь так? Иначе его завалило бы снегом.

Но почему он лежит так близко к машине? В голове мелькают образы протестующих, их злобные, глумящиеся лица. Может, браслет принадлежит кому-то из них?

Даниэль заставляет себя сделать глубокий вдох, но когда сует браслет в карман, то замечает что-то

краем глаза — какое-то движение за сугробом, выросшим у стены парковки.

Нечеткий профиль.

Сжимающая ключи ладонь потеет. Даниэль с силой нажимает на кнопку, чтобы открыть багажник, и застывает, поднимая голову.

Между ним и машиной стоит человек.

Даниэль тарашится на него, на краткий миг теряя возможность двигаться, мозг лихорадочно пытается понять, что перед ним и как кто-то мог так быстро подойти к нему незамеченным.

Фигура закутана в черное. И что-то закрывает ее лицо. Что-то, напоминающее по форме противогаз, только без фильтра спереди. Вместо него ото рта к носу идет толстая резиновая трубка. Коннектор. Черный гофрированный шланг колыхнется, когда человек переминается с ноги на ногу.

И выглядит это ужасающе. Чудовищно. Нечто скребется в самых темных глубинах подсознания.

«Думай, — говорит себе Даниэль, — думай». Мозг начинает судорожно перебирать варианты — каким образом превратить этот кошмар в безобидную шалость. Это розыгрыш, только и всего, кто-то из демонстрантов решил его напугать.

Человек делает шаг в его сторону. Четкое, выверенное движение.

Теперь Даниэль видит лишь надвигающееся кошмарное лицо, обтянутое черной резиной. Складки трубки-хобота. А потом слышит и дыхание — странное причмокивание, идущее из-под маски. Влажный, булькающий вдох.

Сердце в грудной клетке бешено колотится.

— Что это? — говорит Даниэль и слышит в своем

голосе страх. Дрожь, которую пытается подавить. — Вы кто? И что вы здесь делаете?

Его лицо щекочет капля. Снег плавится от жара его тела. Или это пот? Даниэль точно не знает.

«Да брось, — говорит он себе. — Возьми себя в руки. Это просто какой-то чудик шатается где попало. Сейчас ты пройдешь мимо него и сядешь в машину».

Но тут, посмотрев под другим углом, он замечает чужую машину. Ее не было здесь, когда он приехал. Черный пикап. «Ниссан».

«Давай, Даниэль, шевелись».

Но тело будто сковало льдом, оно отказывается подчиняться. Он может только слушать странное дыхание из-под маски. Теперь оно стало громче, быстрее и более хриплым.

Громкое хлюпанье и свист на высоких нотах.

Снова и снова.

Человек придвигается ближе. Он держит что-то в руке. Нож? Даниэль не может различить. Все скрывают толстые перчатки.

Давай же, шевелись!

Даниэлю удается сделать шаг вперед, потом второй, но страх сковывает мышцы. Он спотыкается в снегу, правая нога скользит.

И когда он выпрямляется, уже поздно — рука в перчатке затыкает ему рот. От перчатки несет затхлостью, а маска пахнет жженой резиной, пластиком и чем-то еще.

Чем-то знакомым.

Но прежде чем мозг успевает найти ассоциацию, что-то протыкает Даниэлю бедро. Вспышка боли. Мысли разбегаются, а потом разум затихает.

А через несколько секунд проваливается в небытие.